

Г.С.Лебедев

VARANGICA ПРОБЛЕМНОГО СЕМИНАРА Л.С.КЛЕЙНА

Тридцать лет движения к Неизвестному Городу на Пути из Варяг в Греки

G.S.Lebedev. *Varangica of the Issue-Oriented Seminars Conducted by Leo Klejn. A Thirty-Years Journey Towards the Unknown City on the Road 'From the Varangians to the Greeks'*.

The modern study of the 'Varangian issue' in Russia started with a book by I.P. Shaskolsky "Norman Theory in the Modern Bourgeois Science" published in 1965 and with a discussion of this book at the History Faculty of Leningrad University later the same year. Shaskolsky's main opponent was Leo Klejn, founder and leader of the issue-oriented seminars in the Archaeology Dean's Office, which started specifically as a 'Varangian seminar'. The first participants at the seminar were V.P. Petrenko, Y.Y. Piotrovsky, V.A. Bulkin, V.A. Nazarenko, A.A. Peskova, the author of this article and others. A very characteristic one was the fate of V. Petrenko, researcher of the Norman cemetery Grobina, the earliest one in Eastern Europe.

Later, E.N. Nosov, I.V. Dubov, E.A. Ryabinin and K.M. Plotkin joined the seminar.

In the late 60s and early 70s the further research was thought as a complete publication and statistical analysis of artifacts and complexes (of Scandinavian and "hybrid" origin), distinction of serial artifacts, development of chronology, and excavations in the early urban settlements. Since late 60s – early 70s excavations have been carried out in Gnezdovo, Staraya Ladoga, Rurik's settlement in Novgorod, Timerevo and other sites in Yaroslavl and Volga region. Conclusions of these studies set up the basis for a positive solution of the 'Varangian issue'.

The middle 80s were marked by the first analytical works on the 'Varangian issue'. An understanding develops of a multicultural and poly-ethnic "Baltic civilisation of the early Middle Age". This period was also marked by a growing international Russian-Scandinavian co-operation.

The *Varangica* of the passed years raised a firm opposition of Normanism versus Anti-Normanism of the last century and revealed new scientific perspectives.

Современный этап изучения «варяжской проблемы» в России открывается выходом в свет книги И.П.Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (Л., 1965) и состоявшейся 22 декабря 1965 года дискуссией по этой книге на истфаке Ленинградского университета. Основные выводы и перспективы, определившиеся в этой дискуссии, излагались в статье Л.С.Клейна, Г.С.Лебедева, В.А.Назаренко, опубликованной в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России IX – XX вв.», также под редакцией И.П.Шаскольского (1970). Одновременно программная статья В.Т.Пашуто появилась в «Скандинавском сборнике» (XV, 1970), который с этого времени стал основным изданием, а «скандинавские конференции» (1971 – 1997), основной ареной обсуждения хода исследования проблемы.

Варяжский вопрос – начальный, а потому – ключевой вопрос российской истории, следовательно, отечественного самосознания. Археология – средство объективации этого самосознания, основанного на историческом знании. Поэтому вполне закономерно, что основ-

ной оппонент И.П.Шаскольского и основатель «Проблемного семинара кафедры археологии», который открывался именно как «Варяжский семинар», Л.С.Клейн свой собственный путь в археологии «из-под крыла» своих университетских учителей М.И.Артамонова и великого лингвиста, фольклориста и структуролога В.Я.Проппа начал именно с «варяжского вопроса». Проблема, оставшаяся для Артамонова «полем боя» с 1939 года до последних дней (доклад в ЛОИА 1969 года), требовала решения, и молодой аспирант кафедры археологии, где М.И. остался заведующим после своего достопамятного конфликта с ленинградскими партийными властями из-за шемакинских выставки в Эрмитаже, начал свою преподавательскую практику (как в свое время в 1909 году учитель Артамонова А.А.Спицын) со спецкурса «Варяжский вопрос и археология» (1963 – 64 учебный год).

Проблемный семинар по «варяжскому вопросу» начал действовать с 1964 года. В первом составе – В.П.Петренко, Ю.Ю.Пиотровский, В.А.Булкин, В.А.Назаренко, А.А.Пескова и дру-

гие; «славистами» стали не все, но все осваивали «пурификационный подход», принципы интеллектуальной честности и последовательной процедуры исследования, в норме – формирующей не только парадигму научных изысканий, но весь жизненный путь. Показательна судьба одного из первых участников семинара Валерия Петренко (1943 – 1991). Он пришел с начальной выучкой, полученной у рижских археологов, и фантазмагорической по тем временам мечтой – исследовать самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник, Гробини в Курземе. Курсовые и дипломную работы писали по добытой в «спецхране» БАН немецкой монографии Биргера Нермана (1941 год издания). Четверть века, со скамьи семинара и «Каспьянской разведки» Пути из Варяг в Греки 1966 года (он принес оттуда свой «гимн околтелого норманизма», экспедиционную для всех последующих субгенераций песню «Мы по речке, по Каспле идем...») к собственному исследованию Варяжской улицы и сопки Старой Ладоги, пограничного Ивангорода, в конце концов неумолимым напором привели его к курганам Гробини, и вместе с латвийскими археологами он открывает там сенсационно ранние скандинавские памятники, с готландской стрелой V- VI вв., одним из древнейших изображений корабля (начальная «русь»). Свой последний полевой сезон он провел на раскопках шведской экспедиции в Бирке, центральном памятнике «эпохи викингов». Однако, и главное дело его жизни не оборвалось с этой жизнью, посмертную публикацию основных материалов исследования Гробини взяли на себя и выполнили его латвийские и шведские друзья и коллеги (Petrenko, Urtans 1995).

Автор этих строк еще на первом курсе, под неформальным руководством Л.С.Клейна и официальным – профессора В.В.Мавродина, декана факультета, написал «факультативную» курсовую работу «О причинах участия варягов в образовании Древнерусского государства» (1962). Лишь тридцать лет спустя можно было дать себе отчет в гражданском мужестве декана – научного руководителя: в 1960 году за аналогичную работу о норманнах Андрей Амальрик был изгнан с истфака Московского университета. Ленинградский невольный его последователь, в общем, тоже покинул студенческую скамью, но по другим причинам: «недород» военного поколения возмещали призывом студентов в Вооруженные Силы СССР. Присоединиться к семинару удалось лишь в конце 1965 года, после возвращения из армии, чтобы сразу выйти на трибуну «Норманской дискуссии». Л.С.Клейн писал мне о ней в последних «преддембельных» письмах, книги по археологии, которые он посылал на площадку Ракетных войск, дополняли «марксистко-ленинское самообразование», а первым учебным заданием по Семинару стало – проштудировать непе-

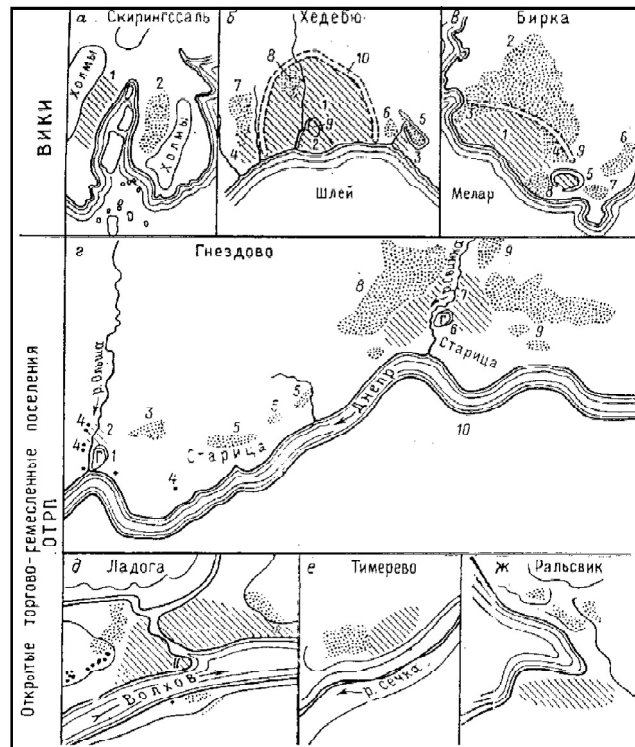
реведенную «Secret diplomatic History» Маркса, которую выдали по специальному разрешению в Публичной библиотеке. Махровый норманизм Маркса стал нашим «секретным оружием», и оно весьма пригодилось, когда Л.С.Клейн развернул блистательный арсенал научных аргументов норманизма на истфаке ЛГУ 22 декабря 1965 года (Джаксон, Плимак 1988).

М.И.Артамонов и В.В.Мавродин курировали и вели эту «Норманскую дискуссию», а потому она не завершилась показательным разгромом новых, советских «норманистов». Наоборот, семинар Л.С.Клейна получил санкцию на продолжение своей работы. Стратегия исследования «Норманских древностей Киевской Руси», предложенная на дискуссии, вскоре была опубликована, а следующие двадцать пять лет ушли на ее реализацию, и «Славяно-варяжский семинар» Л.С.Клейн с начала 1970-х передал в полное ведение своих учеников. В составе его к тому времени работали, кроме названных, Е.Н.Носов, И.В.Дубов, Е.А.Рябинин, К.М.Плоткин, «младшая дружина», составившая ядро ленинградской школы археологов-славистов, обучавшаяся и у старшего поколения этой школы, М.И.Артамонова, И.И.Ляпушкина, П.Н.Третьякова, Г.Ф.Корзухиной, а параллельно вызревал «славяно-готский семинар» учеников М.А.Тихановой – Д.А.Мачинского и М.Б.Щукина.

Симпозиум в Орхусе (Дания) «VARANGIAN PROBLEMS» (1968) состоялся в отсутствие предполагавшихся советских участников Д.С.Лихачева, О.И.Давидан, А.Н.Кирпичникова и др., однако их доклады были опубликованы вместе с остальными материалами (1970) и стали основой дальнейшей работы. Перспектива ее определялась как полная публикация и статистическая обработка вещей и комплексов (скандинавской типологической принадлежности артефактов и признаков ритуала, равно как «гибридных» и местных), выделение серий вещей и комплексов, датировка и разработка хронологии, этно-социальная атрибуция серий, прежде всего в крупных раннегородских и дружинных центрах, принципиально совпадающая со стратегией, предложенной Проблемным семинаром.

Решение этих задач началось с согласованных между ведущим советским антинорманистом Д.А.Авдусиным и неформальным лидером «ленинградской школы» археологов-славистов И.И.Ляпушкиным параллельных исследований Гнездовского курганного могильника и поселения (1967-68). Вслед за этим были возобновлены археологические работы в Старой Ладоге (Г.Ф.Корзухина, О.И.Давидан 1968, затем В.А.Назаренко, В.П.Петренко с 1970, Е.А.Рябинин, А.Н.Кирпичников с 1972). Выпускники Проблемного семинара составили ядро «сектора славяно-финской археологии» ЛОИА, создан-

Рис. 1. Архаический тип города эпохи викингов (vic-structure).

ного в 1974 году. Инициатор и глава сектора А.Н.Кирпичников включился в разработку «варяжской проблемы», и следующая за коллективной статьей серия, также коллективных публикаций по археологии Северной Руси (Кирпичников, Лебедев, Булкин и др., 1978, 1980, 1981) завершилась монографиями, сформировавшими корпус «Варангики» 1980-х (Лебедев 1997).

В середине 1970-х начались раскопки на Рюриковом городище в Новгороде (Е.Н.Носов 1975-90). На основе методики изучения Гнездова, с 1973 года И.В.Дубов начал изучение Тимерева и других поселений Ярославского Поволжья (наряду с курганами). Таким образом, «ключевые» памятники проблематики вовлекались в исследование одновременно, и во взаимосвязи с другими раннегородскими центрами в Северной Руси: Изборск, а затем Псков с памятниками округа (В.В. Седов, В.Д. и С.В. Белецкие, К.М. Плоткин, И.К. Лабутина), Ростов и Сарское городище (А.Е. Леонтьев), Суздаль (М.В. Седова) и др. Всё более устойчивый фон этих исследований составляли новые раскопки курганов Приладожья (В.А. Назаренко, С.И. Кочуркина), Ижорского плато (Е.А. Рябинин), изучение Владимирских курганов (В.А. Лапшин), равно как сельских памятников (городищ и селищ, курганных групп) Северо-Запада (Г.С. Лебедев, В.Я. Конечский, Н.И. Платонова, А.А. Александров, в 1980-х гг. А.А. Башенькин, Н.М. Макаров, позднее С.Л. Кузьмин, А.Д. Мачинская, О.И. Богуславский, Н.М. Лопатин и др.).

Открытия в Ладоге, раскопки Рюрикова городища под Новгородом, памятников Пскова и его округа, курганов Приладожья, Ярославско-

го Поволжья, исследования Гнездовского и ярославских «протогородских» поселений стали фундаментальными основаниями для позитивного решения «варяжского вопроса». Новый фонд источников позволил получить новые выводы прежде всего в отношении раннегородских центров Древней Руси. Сопоставление «Гнездова и Бирки» (рис. 1) в контексте общесеверного и древнерусского урбанизма (Булкин, Лебедев 1974) внесло новые компоненты (vic-structure, «вики», ОТПР) в представление о процессе урбанизации (Алексеев 1980; Куза 1985), раскрывая возможности структурного изучения генезиса древнерусской культуры (Лебедев 1981). В двухсотлетнем противостоянии «норманизм-антинорманизм» постепенно раскрылась невидимая ранее грань исторической действительности тысячелетней давности: мультикультурная и полиэтничная «Балтийская цивилизация раннего средневековья» (рис.2), культурно-историческая общность IX-XI вв., завершившая формирование раннесредневековой Европы, а её составной частью и определяющим компонентом выявилась Верхняя Русь или «Русь Рюрика».

Разработанная и признанная практически всеми действующими исследованиями, археолого-историческая периодизация «русско-скандинавских отношений VIII-XIII вв.» позволила определить этапы становления и расцвета языческой Балтийской цивилизации на Пути из Варяг в Греки, по мере христианизации Древней Руси и Северных стран, постепенно интегрировавшейся в историко-культурную общность христианско-феодальной Европы (Лебедев

1985; Славяне и Скандинавы 1986). Видимо, именно это решение «варяжского вопроса» (снявшее, в полном соответствии с одним из «принципов археологии» Л.С.Клейна, ограничения начальной альтернативы) следует считать на данном этапе — окончательным, итоговым плодом этой деятельности Проблемного семинара (Хлевов 1997).

Обобщение этих представлений раскрывало место и значение Северной Руси как важной составляющей общерусских и североευропейских процессов (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986), что позволило определить ее в итоге как особую историко-географическую реальность, «Русь Рюрика» (Лебедев 1993).

Структурное упорядочение данных о памятниках славянско-русской археологии, выявление новых групп источников — граффити на монетах и др. (Дубов, Добровольский, Кузьменко, Фомин и др.) и освоение археологических и культурно-исторических материалов Скандинавии «эпохи викингов» (Лебедев, Петрухин) шло

параллельно с начатой по инициативе В.Т.Пашуто систематической публикацией основных иноземных письменных памятников.

Она началась с переиздания полной «Россики» Е.А.Рыдзевской (1978), продолженной публикациями скандинавских текстов (Мельникова, Джаксон, Глазырина) и комментированным изданием Константина Багрянородного (Мельникова, Петрухин). В последние годы к интерпретации древнесеверных текстов обратились и петербургские исследования (Мачинский, Панкратова).

Реконструкция на основе этих текстов адекватной раннесредневековой «картины мира» (Мачинский 1984; Лебедев 1985; Мельникова 1986; Джаксон 1993; Stang 1996) позволяла перейти к целенаправленному изучению крупных историко-географических реалий: таких, как Путь из Варяг в Греки, где работы, начатые в 1966 году, продолжала в 1985-95 экспедиция «Нево» (Лебедев, Жвиташвили 1999) и Великий Волжский путь (Дубов 1992).

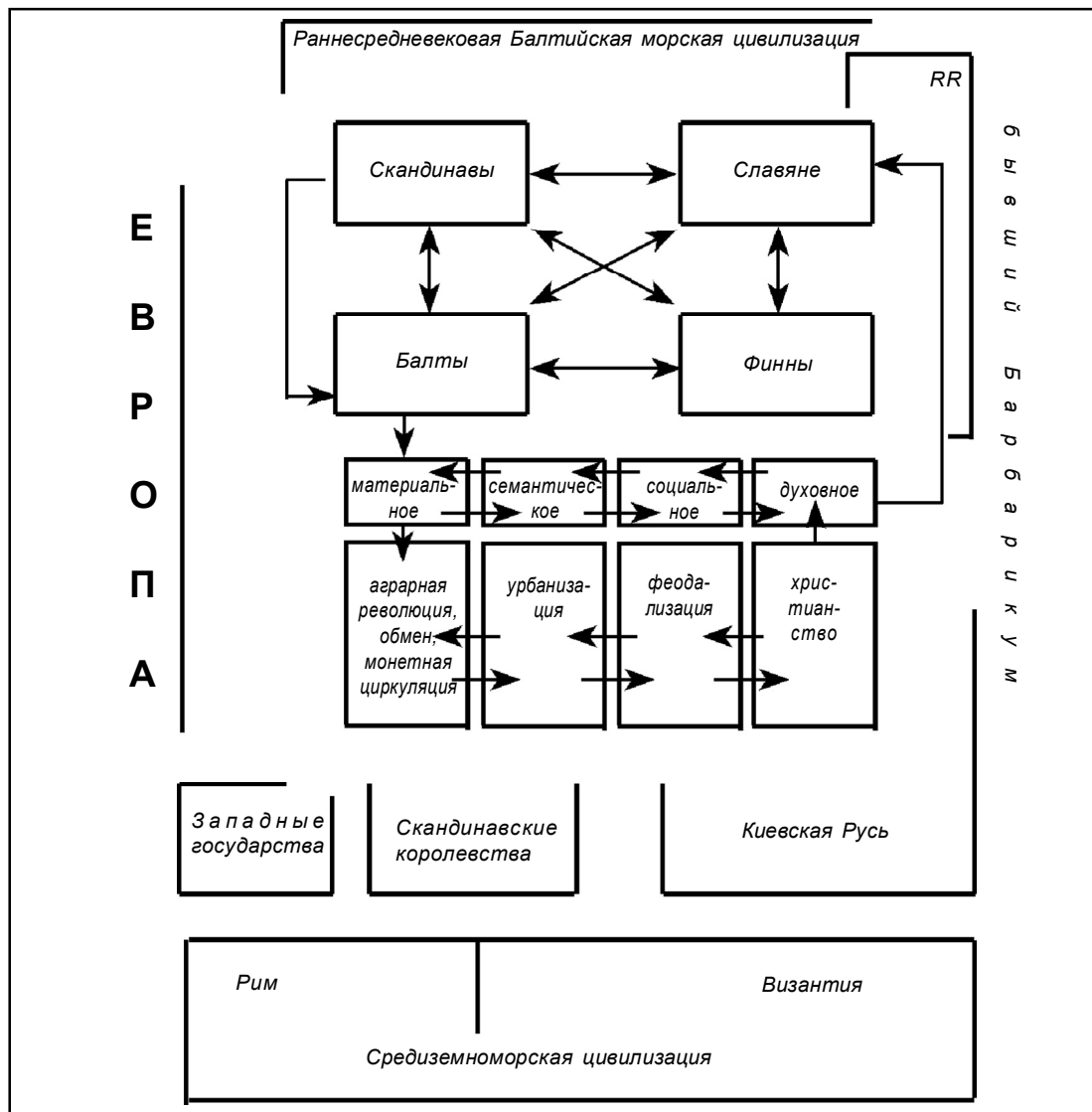

Рис. 2. Балтийская цивилизация (графическая модель).

Середина 1980-х гг. отмечена первыми обобщениями по «варяжской проблеме» от комментированного переиздания классической работы «Русь и норманны» Х.Ловмянского (1985) к формулировке представления о мультикультурной и полиэтничной «Балтийской цивилизации раннего средневековья», типологии и динамике развития раннегородских центров северо-европейского урбанизма («Славяне и скандинавы» 1986).

Практически общепризнанной стала разработанная при подготовке этих исследований историко-культурная хронология русско-скандинавских отношений середины VIII — середины XIII вв., дифференцированная по генерационным этапам, протяженностью 30–50 лет. (Ср.: Кирпичников, Дубов, Лебедев — Мельникова, Петрухин, Пушкина). Археологический эквивалент этой хронологии, однако, еще не создан (его основания закладываются в новгородских разработках Ю.М. Лесмана).

Социо-этнологическая интерпретация археологических (погребальных) комплексов для более или менее выявленных серий из древнерусских памятников предложена только в исследованиях норвежского археолога А.Стальсберг. Международное русско-скандинавское сотрудничество длительное время этими исследованиями и ограничивалось, хотя постепенно, после выставки шведских археологических материалов «Сокровища викингов» (Государственный Эрмитаж, 1979–80), создавались реализованные с рубежа 1980-х — 90-х гг. предпосылки совместных исследований (обмен участниками раскопок Бирки, Гнездова, Ладоги, Рюрикова городища и др., секции международных конгрессов, экспозиции в Дании, Норвегии, Швеции и России).

1990-е годы отмечены вовлечением в исследовательский процесс новых научных центров, возникающих на базе Остзейской Академии (Любек, Германия) или Морского музея (Гданьск, Польша), активизацией интербалтийских связей (сессия Европейской Ассоциации археологов 1996, Рига) при известной стагнации традиционных северо-европейских центров и сложностях постсоветской интеграции научных институтов стран СНГ, возобновляющейся лишь в самое последнее время (VI МКСА в Новгороде, 1996).

VARANGICA минувшего тридцатилетия сопровождалась, конечно, дискуссиями по этноисторической проблематике, в рамках как традиционного (А.В.Арциховский, Б.А. Рыбаков) так и «неонорманистского / антинорманистского» подходов (А.Г.Кузьмин); исчерпанность обоих, впрочем, убедительно была показана на одной из «скандинавских конференций» И.П. Шаскольским (1986), а в культурно-исторический атрибуции Древней Руси утвердилась введенная акад. Д.С.Лихачевым характеристика «Скандовизантия» (1992). Это свидетельствует об успеш-

ном, в общем, решении ряда исследовательских задач, поставленных в середине 1960-х — начале 1970-х гг. В то же время, исходные из них остались нерешенными: ни полная публикация, ни статистическая обработка артефактов и комплексов археологического фонда.

Главным в решении проблемы, разрабатывавшейся в сравнительно спокойных и благоприятных для объективной постановки исследования культурно-политических условиях брежневской «разрядки» (детанта) 1975–80 гг., остается концепция особой северо-европейской полиэтничной и мультикультурной общности, «Балтийской цивилизации раннего средневековья» (Славяне и скандинавы 1986). «Снимаемая» жесткую альтернативность норманизма и антинорманизма предшествующих десятилетий, она открывала новые исследовательские горизонты и возможности, сохраняющие свое значение до конца текущего столетия, и вероятно, для последующих десятилетий (Хлевов 1997: 88–89). Впервые была выстроена, достаточно четкая и последовательная иерархия уровней взаимодействия культур, от материально-ценностного до идейно-ментального (Лебедев 1986; 1994). При этом и в отечественной археологии, и в исторической культурологии создавались теоретические конструкции, позволяющие эффективно исследовать все эти уровни и взаимодействия между ними, как в систематизации материальных артефактов (Клейн 1991), так и «Категорий средневековой культуры» (надо особенно отметить, что эти исследования А.Я. Гуревича, чрезвычайно важные для отечественной науки, исходно основывались именно на скандинавском материале «эпохи викингов»). В следующем десятилетии именно ментально-образный уровень становится объектом наиболее интересных и продуктивных исследований и интерпретаций в изысканиях Д.А.Мачинского, Т.Н.Джаксон, В.Я.Петрухина и других авторов, позволяя значительно расширить круг сопрягаемых с археологией источников — от скандинавских саг до византийской политической энциклопедии Константина Порфиrogenита (отметим, в числе последних, дополнение этого круга материалов — латинскими, греческими и восточными источниками в переводах и интерпретации норвежского ученого Х.Станга — 1996).

Внутрикультурный диалог, начатый русскими археологами середины 1970-х, десятилетие спустя позволил дать адекватный ответ на вопрос о «месте России в Европе», начиная с эпохи становления Европы как историко-культурного целого. Суть этого ответа — констатация Балтийской историко-культурной общности, продуктивной до наших дней, оказалась весьма актуальной в условиях горбачевской «перестройки» 1986–91 гг. Во всяком случае, именно эти результаты были вынесены на те международные и северо-европейские форумы, где оте-

чественные делегации формировались без давления государственно-политических инстанций (Трондхейм 1989, Травемюнде 1992, 1994, 1995, 1997, Рига 1996, Гетеборг 1998 и мн. др.).

Стоит отметить еще одну линию культурного процесса последних десятилетий существования Советского Союза, и ствол этого процесса, несомненно, составляла «Varangica»: восстановление национальной археологии Балтийских стран, Литвы, Латвии, Эстонии. Нет необходимости подробно перечислять аспирантов и соискателей из этих союзных республик, защитивших диссертации по раннесредневековой проблематике в ЛОИА или ЛГУ 1980-х, достаточно назвать ключевые памятники – Кярнаве, первая столица Литвы (В.Ушинкас), Иру, протогородской центр «эпохи викингов» в Эстонии (А.Вассар), наконец, русско-латвийское исследование самого раннего известного центра викингов в Восточной Балтике, Гробини в Курземе (В.П.Петренко, Ю.В.Уртанс). Мне доводилось уже цитировать выдающегося эстонского писателя и общественного деятеля Янна Кросса, отметившего, что у истоков современного этапа возрождения балтийского национального самосознания стояли именно археологи; но так было не только в странах Балтии, точно те же процессы шли и продолжаются в России (Fennoscandia archaeologica XI, 1995). Показательно начатое в Эстонии с середины 1990-х издание русскоязычного историко-археологического журнала AUSTRVEGR / ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ (№№ 1-3), который стал ареной открытого, многостороннего и доброжелательного диалога об общности, при всем драматизме нашего давнего и недавнего прошлого, нашего совместного исторического пути, прозреваемого со страниц этого издания на глубину многих веков, и даже тысячелетий.

Основные параметры взаимодействий в этом прошлом, по-видимому на данном этапе достаточно удовлетворительно описывает «графическая модель» Балтийской цивилизации

эпохи викингов. Продукт совместного творчества скандинавских, славянских, балтских и прибалтийско-финских народов в их взаимодействии с другими этносами, культурами и цивилизациями Запада и Востока, она основывалась на трансъевропейской системе естественных водных коммуникаций, таких как Великий Волжский путь и Путь из Варяг в Греки (с середины 1980-х – объектов все более целенаправленных специализированных исследований). Эти пути встраиваются в общеконтинентальную систему коммуникаций и урбанистических центров Европы. Междисциплинарный подход позволяет сейчас для ряда из этих центров, таких как Ладога, использовать комплексный подход к топографии, раскрывающий потенциал урбанистической структуры от исходного, ландшафтно-гидрографического, до ментального уровня.

Прежде чем выходить на этот уровень «ландшафтных мифологем» и других нематериальных категорий средневековой культуры, надо констатировать выявленную на структурно-градостроительном уровне, определенную синхронизацию эволюции общественного урбанизма. Архаические «викструктуры», объединяющие ядро ранней Ладоги (до середины IX в.), начальное Гнездово, Тимерево и аналогичные центры скандинавов и балтийских славян (Бирка, Хайтабу, Ширингсаль, Ральсвик и др.) сменяются классическими структурами средневекового укрепленного города «Детинец + Посад» (Белецкий 1996). На Руси, это прежде всего Новгород Великий и Псков (рис. 3). Надо отметить в последнем десятилетии качественные сдвиги в изучении генезиса и развития этих центров, в первом случае – во взаимосоотнесенных исследованиях В.Л.Янина, А.С.Хорошева, Е.А.Рыбиной и Е.Н.Носова, И.Янсона, В.Я.Конецкого, Н.И.Петрова; во втором – многолетней экспедиции В.В.Седова и параллельных работах В.Д. и С.В.Белецких. Стольные города Северо-Западной Руси, современники и партнеры городов Ганзы, эти центры в Северной Европе «эпохи Крестовых походов» (XII-XIV вв.) вступают в фазу «милитаризации», проявив-

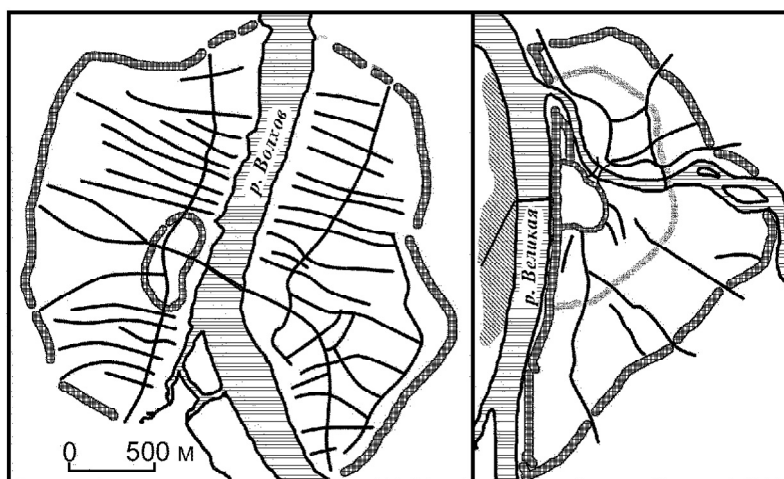

Рис. 3. Классический тип средневекового города.

шейся в создании городов-крепостей (эта функция, на основе работ А.Н.Кирпичникова, В.В.Седова, В.И.Кильдюшевского, В.П.Петренко, А.Н.Курбатова, монографически обобщена в последней монографии А.Р.Артемьева, 1998). На северо-западной окраине прибалтийской «Руси Рюрика» IX-XI вв. эти крепости, выступая одновременно – вассальными столицами финских племен-федератов Господина Великого Новгорода, корелы, ижоры, води, формировали в XIV-XV вв. административно-территориальную структуру региона, унаследованную Московской Русью (Lebedev 1996). Русско-шведское противостояние в «эпоху шведского великодер-

жавия» XVI-XVII вв. разрешилось в Северной войне 1700-21 гг. завершением формирования системы этих пограничных крепостей, и ее последним звеном стала с 1703 года цитадель новой столицы, а в дальнейшем – мегаполиса России на Балтике, Санкт-Петербурга, «Неизвестного города на Пути из Варяг в Греки», как определила его современная петербургская журналистка («Вечерний Петербург» 17.11.95).

Если представить графически развертывание «от Варангики к Петербургике», выступающее как одна из боковых ветвей по отношению к «основному стволу» научного пути Л.С.Клейна и Проблемного семинара 1970-80-х гг.:

Варангика – (славистика)	«индоевропеика» – (скифы — степная бронза)	теория «Археологической типологии» (источниковедение, гомерология античности, культурология, антропология)
---------------------------------	---	---

то эта ветвь, как и любая другая из обозначенных, выявит, казалось бы, совершенно самостоя-

тельную логику внутреннего развития, начиная с исходной точки (см., например, Лебедев 1997).

Varangica	Rossica Slavica	Circumbaltica	Regionalistica Fenno-Slavica Scandobaltica	Petersburgica
------------------	------------------------	----------------------	---	----------------------

Эта линия, как и другие впрочем, особенно, в заключительном звене выходит к проблемам междисциплинарного синтеза, на базе археологии (Лебедев 1993; 1996). «Петербургика», начиная со вполне «археологической» проблематики типологии урбанизма (в проблеме генезиса города), через «топохрон археологии» ведет к исследованию «хронотопа мифологии» культурного пространства (Тереби-

хин 1993), однако «трансмиф» этого пространства (будь то Санкт-Петербург, «Русь Рюрика» с «пра-Петербургом» Ладоги, либо любой другой локус и регион) обращает к проблематике «анимации артефакта» (по Клейну), точнее – «ре-анимации» как одному из фундаментальных «принципов археологии», развивающему начало «Археологической типологии» Л.С.Клейна.

ПЕТЕРБУРГИКА: Ядро Петербурга Русь Рюрика Балтийское пространство Северной Европы «Скандовизантия и Славотюркика», Путь Из Варяг в Греки, София (сумма духовных ценностей России)	= преобразование Трансмифа в Топохроне	ARCHAEOLOGIA THEORETICA = анимация (реанимация) артефакта
--	--	---

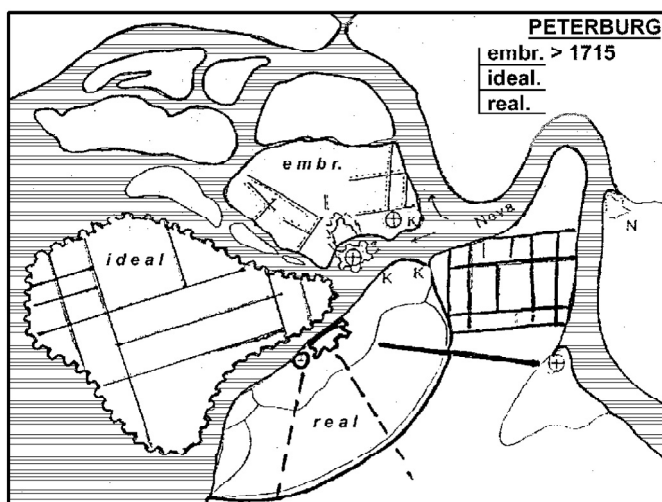
Теоретическое знание, в свою очередь, ведет к необходимости научной рефлексии, историографической (историософской) самооценке пройденного наукой пути. Вслед за «Археологической типологией» (АТ), применением ее парадигмы к историографии становится «История отечественной археологии» (ИОА) (Лебедев 1992), и так обретает собственное социальное самосознание Петербург как центр отечественной археологии («Санкт-Петербург», 1995). Это историографическое сознание – база анализа и прогностической самооценки, которые снова

– первым выразил Л.С.Клейн в «Феномене советской археологии» (ФСА) (1993).

АТ — ИОА — ФСА

Строго говоря, перед нами – описание хронологически позднейших, а потому актуальных и действенных процессов, развернувшихся на высшем, семантическом уровне существования культурно-исторической общности, по крайней мере с «варяжских времен» выступающей в письменной и «археологической версии» рос-

Рис. 4. Типология градостроительной структуры Петербурга XVIII в.

сийской истории как «Русь Рюрика» (PP'). Вызовет ли эта самооценка – адекватную и глубокую рефлексию в других сферах современной культуры «Реформируемой России» 1990-х (PP''), то есть, произойдет ли необходимое преобразование: PP' – PP''? Ответ на этот вопрос определит, по-видимому и в частности, пути развития и судеб российской археологии в XXI столетии. Равным образом, однако, если ответ на «варяжский вопрос» исключительно значим в целом для российского национального, государственного, культурного самосознания, то и связь с начальной русской историей – Санкт-Петербурга, всегда воспринимавшегося как «новая столица», рубеж разрыва в историческом прошлом, по-видимому также внесет новые компоненты в самосознание россиян (включая петербуржцев) XXI века.

Дело в том, что градостроительная структура Санкт-Петербурга, завершая развитие «балтийского урбанизма» от эпохи викингов до нового времени, несет в себе черты архетипического древнерусского, идеального западноевропейского, и реального, собственно балтийского урбанизма; трассы сухопутных дорог Московской стороны стягиваются «трехлучьем» к Адмиралтейству, где спускали на воду корабли Балтийского флота, таким образом функция первоначального «вика», коммуникация: «суша-море» в простейшем, экономичном виде здесь возрождается, в новом качестве, восстанавливая для реки Невы исходную функцию начального звена летописного Пути из Варяг в Греки (рис. 4). Петербург «фокусирует» в себе культурно-коммуникативные качества трех макрогеографических пространств – евразийского, собственно России, Европы – куда Россию на новой ступени истории вернул Петр Великий, и особо – Северной Европы, исходно – «балтийской цивилизации». Только при качественной определенности культурного пространства «Прибалтийской России», древней «Руси Рюрика», северо-западных земель Господина Великого Новгорода и Московского го-

сударства, Российской империи, федерации и т.д., Россия становится – частью Европы, а ее урбанизм – особой ступенью европейского (и вместе с ним, мирового) урбанизма. Архитектурный символ Санкт-Петербурга и его бесспорная доминанта, шпиль башни Адмиралтейства выразил эти взаимосвязи с исчерпывающей полнотой новыми, и притом специфически «балтийскими» средствами и приемами зодчества русского классицизма.

Эти новые качества и характеристики петербургской культуры, с момента реноминации города (1991) и, по-видимому, до его 300-летнего юбилея (2003) становятся принципиально новым фактором, одной из доминант актуального культурного процесса в реформируемой России (Лебедев 1991; Lebedev 1996). В то же время, они актуализируют и представления об историческом пути Балтийского региона Европы – в целом. Вряд ли случайно, в 1998 году форум по проблемам глобализации, организованный по инициативе Горбачев-фонда и под председательством президента этого фонда, проходил в «музее викингов» Борг на Лофотепах (Норвегия), а многовековой исторический опыт «Скандобалтики» рассматривался как познавательная модель современных глобальных процессов (Лебедев, Жвиташвили 1999).

Дело в том, что само по себе «открытие» Балтийской цивилизации VIII-XI вв. – лишь начальная ступень в изучении этого опыта. Предварительно обобщая этапы развития этно-культурного взаимодействия, необходимо сейчас констатировать безусловную «неравномерность» (при равнозначности) его компонентов, наличие и последовательное смещение своего рода «силового центра» (Holmqvist 1974). Изначально такой центр, очевидно, формируется на юге Скандинавии, в эпоху викингов включая и Ютландию с датскими островами. Со времен петроглифов эпохи бронзы (по крайней мере, I тыс. до н.э.) и до «Североморской державы» Свейна и Канута в конце эпохи викингов, этот центр, начальная «Скандия», Сконе (Skani-ey 'прекрас-

ный остров) лидирует в региональных процессах (неслучайно отсюда, из Ютландии и Шлезвига прослеживаются важные импульсы в Ладогу VIII-IX вв., формирующие «Русь Рюрика»).

Силовой центр в Средней Швеции, бассейне Мелар, о котором, собственно, писал Хольмквист, несомненно существовал и в эпоху бронзы, и на рубеже эр (свионы Тацита) и в эпоху викингов. Однако безусловное доминирование его начинается спустя столетия, после «Крестовых походов шведов в Финляндию, Карелию, Ингрию» XII-XIV вв. и реализуется в Шведском великодержавии XVI-XVII вв. «королей свеев, готов и вендов», со времен Густава Вазы, Густава-Адольфа и до Карла XII, когда почти сто лет Балтийское море было, практически «внутренним морем» Шведской державы.

С 1721 года, провозглашения Российской империи, силовой центр Балтики сместился на Восток, к Санкт-Петербургу. Доминирование на всем восточном и юго-восточном побережье Балтики, при всех потрясениях Мировых войн и революций, сохранилось до наших дней, и лишь с падением Берлинской стены, а затем и Советского Союза, Балтика впервые обретает качественно новое состояние, примерного равновесия и равноценности взаимодействующих государств, этносов и культур. Отметим при этом, состояние – изоморфное предложенной «мо-

дели» Балтийской цивилизации эпохи викингов. В этой модели, стало быть, можно видеть «архетип Скандобалтики».

В изучении этого архетипа на повестку дня выдвигаются и новые, конкретно-археологические задачи. Последние годы отмечены выявлением, наряду с типологическими характеристиками «эпохи викингов» VIII-XI вв. древностей предшествующего, послеримского и позднеимского времени – фибула с о. Тюртерс (VI в.), меч из Турова (V в.), топор из Глумиц (II-IV вв.). В систематике С.Ю.Каргопольцева для Северо-Запада представлен обширный набор артефактов, объединяющих с «римским временем» – ранние «длинные курганы» и непосредственно приближающийся к ранним горизонтам Ладоги (в систематике С.Л.Кузьмина, А.Д.Мачинской, О.И.Богуславского). Охватив типологическими построениями, выполненными в последние десятилетия археологами нового поколения, исторический интервал с VIII века (основание Ладоги) до XVIII в. (Санкт-Петербург) мы оказываемся перед возможностью опустить нижнюю границу этого интервала еще на три-пять столетий вглубь веков. Varangica – Gotica, так, по-видимому, следует определить это направление развития Проблемного семинара в первых десятилетиях наступающего нового столетия и тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. М.
- Артемьев А.Р. 1998. Города Псковской земли XIII-XV вв. Владивосток.
- Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11-17.
- Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г). Тексты, перевод, комментарий. М.
- Джаксон Т.Н., Плимак Е.Г. 1988. Некоторые спорные вопросы генезиса русского феодализма (в связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К.Маркса) // История СССР. № 6. С. 35-57.
- Дубов И.В. 1992. Великий Волжский путь. СПб.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С.190-205.
- Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В., Булкин В.А., Назаренко В.А. 1980. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып.160.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв. Отв. Ред. И.П.Шаскольский. Л. С.226-252.
- Куза А.В. 1985. Археологическое изучение Древней Руси. // Древняя Русь. Город, замок, село. М. С.7-28.
- Лебедев Г.С. 1981. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. М. Вып. 166. С.22-28.
- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Лебедев Г.С. 1986. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тез. докл. X Всесоюзной конференции скандинавистов. М. Ч. 2. С.158-160.
- Лебедев Г.С. 1991. Этюды о мечах викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. С. 280-304.
- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии (1700-1917). СПб.
- Лебедев Г.С. 1993. Русь Рюрика как объект археологического изучения. // Скифы, сарматы, славяне, Русь. Сб. статей в честь Д.А.Мачинского. // Петербургский археологический вестник (ПАВ). Вып.6. СПб. С.105-109.
- Лебедев Г.С. 1995. Петербург как центр региональной археологии. // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб. С.56-88.
- Лебедев Г.С. 1997. Тридцатилетие «Варангики» 1965-1995 гг. // Тез. докл. XII СКБ. М.-Петрозаводск. С.171-175.
- Лебедев Г.С. Жвиташвили Ю.Б. 1999. Дракон «Нево» на пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб.
- Мачинский Д.А. 1989. Колбляги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин. С.90-103.
- Мельникова Е.А. 1986. Древнескандинавские географические сочинения. М.

- Славяне и скандинавы. 1986. \ Отв. Ред. Е.А.Мельникова. М.
- Санкт-Петербург и отечественная археология. 1995. Отв. ред. И.Л.Тихонов, СПб.
- Теребихин Н.М. 1993. Сакральная география Русского Севера. Архангельск.
- Хлевов А.А. 1997. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.
- Holmqvist W. 1974. Helgo, eine Vorform der Stadt? // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter, Bd.II, Göttingen.
- Lebedev G.S. 1996. St. Petersburg in the Baltic expanse – Prerequisites and genesis of the megapolis. // Karelia and St. Petersburg. From Lakeland Interior to European Metropolis \ Ed. E Varis, S. Porter. Joensuu. P.39-56.
- Petrenko V., Urtans J. 1995. The Archaeological Monuments of Grobina. Riga-Stockholm.
- Stang H. The naming of Russia. 1996. // Meddelser Universitet i Oslo Slavisk-baltisk avdeling. № 77.